

М.В. Певная

Российские волонтеры третьего сектора: характеристика общности и управленческие перспективы

УДК 172:304

В статье анализируются результаты социологических исследований – данные опроса волонтеров крупного российского города, а также экспертного опроса лидеров некоммерческих организаций Свердловской области. Описывается структура социальной общности волонтеров, работающих в российских организациях третьего сектора, выделяются ключевые проблемы, связанные с перспективами развития волонтерства в современной России и возможностями социального управления волонтерами.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, общность волонтеров, социальная политика, управление волонтерством

Важность волонтерства как социального феномена, значимого для любого типа обществ сегодня, не подвергается сомнению. Практическая польза волонтерского труда, его экономический эффект равнозначно оценивается наряду с его морально-этической ценностью. Волонтерство не знает географических границ, однако, при наличии схожих оснований самой деятельности, в различных социальных, культурных, экономических и политических условиях оно развивается по своей траектории.

В современной России волонтерская общность достаточно проблемна. По нашему мнению, это связано с целым рядом причин и противоречий. Во-первых, реальная практическая деятельность российских волонтеров очень часто расходится с декларируемыми в официальных документах целями, задачами, методами работы, ресурсами волонтерства и самих волонтеров. Во-вторых, российское волонтерство включает в себя проявления «квазиволонтерства». В-третьих, в отличие от стран Европы и США в нашей стране, наряду с организованными видами волонтерства, достаточно сильно развиты неформальные практики взаимопомощи. В-четвертых, в силу опять же исторических причин, в России не сформировалась национальная традиция волонтерства, что порождает отсутствие социальной нормы волонтерской деятельности среди россиян. Как следствие, возникают затруднения в идентификации волонтеров и определении их деятельности, хорошо объяснимые отсутствием стереотипных представлений о добровольчестве в российском обществе в целом. В-пятых, слабое развитие в нашей стране получил третий сектор. В отличие от развитых европейских стран, США и Канады, где в 1960 – 1980-х гг. национальная политика способствовала созданию мощнейшей общественной инфраструктуры волонтерства, развитию новых сервисов, услуг, популяризации волонтерства в различных сферах и появлению большого числа волонтеров, в России решались другие задачи [6, 149]. Кроме то-

го, особого импульса в развитии некоммерческой сферы нет и сегодня, так как страх перед социальной активностью населения, любыми формами самоорганизации людей заставляет институты власти все время ограничивать (в нормативно-правовом, ресурсном, идеологическом планах) возможности третьего сектора. При наличии определенных особенностей и ограничениях российская общность волонтеров все равно остается достаточно значительной по своим количественным и качественным характеристикам, что определяет сложности не только ее изучения, но и практического управления деятельностью ее членов.

Представим теоретические основания анализа российского волонтерства как социальной общности. В качестве первого основания обозначим концептуально заложенный в исследование общностный подход, который применительно к волонтерству состоит в изучении структуры общности волонтеров – через оценку ее сложной многоуровневой модели, выделение типов и видов волонтерства, анализ ресурсов, которыми обладает сама общность и ее члены. Вторым значимым основанием является выделение общностнообразующих признаков, которое открывает возможности понимания природы возникновения и существования групп волонтеров разных типов, объяснения характеристик их взаимодействий, а также выявления отличий в мотивации и стимулировании активности их членов.

В данной статье обратимся к результатам социологических опросов, проведенным фондом «Общественное мнение», Левада-центром, а также к данным нашего регионального исследования – репрезентативного опроса волонтеров г. Екатеринбурга (N-604, 2014). Кроме того, сошлемся на результаты обобщения экспертных интервью руководителей ведущих некоммерческих организаций различных типов в Свердловской области (N-22, 2013).

Всероссийские опросы общественного мнения дают лишь примерную оценку общности волонтеров в России. В 2013-2014 гг. по данным ФОМ «работали волонтерами в общественных организациях 9% россиян, занимались общественными проблемами по месту жительства 27% респондентов, оказывали какую-либо помощь незнакомым людям 72% от числа всех опрошенных» [3]. Если попытаться оценить масштаб общественного участия строго в негосударственных добровольческих инициативах и организациях, то, по данным Левада-центра, в 2014 году этот показатель по стране в целом составил лишь 2% [2, 28].

По нашему глубокому убеждению, основными характеристиками общности волонтеров в России являются ее сегментированность и отсутствие единых оснований, которые позволяли бы в обществе идентифицировать саму общность, а внутри нее открывали бы возможность ее членам идентифицировать друг друга. Последние двадцать лет стихийно формируется структура общности, включающая в себя отличные друг от друга группы волонтеров, занимающихся добровольческой деятельностью по разным направлениям. Однако главная особенность российских волонтеров заключается в том, что независимо друг от друга, практически параллельно существуют и рабо-

тают две большие условно выделенные их подобности. К первой (мы ее назовем «формальными волонтерами») относятся те добровольцы, которые осуществляют безвозмездную помощь другим людям в рамках деятельности каких-либо некоммерческих организаций. Ко второй подобности можно отнести тех, кто оказывает безвозмездную помощь вне каких-либо институциональных структур, в одиночку или ситуативно объединяясь с другими людьми на неформальной основе.

Рассмотрим неформальных волонтеров третьего сектора как отдельную социальную общность, имеющую свою специфику. Обратимся к ее анализу в силу следующих причин. Мировые тренды в развитии благотворительности показывают значимость третьего сектора в организации и популяризации волонтерства. Многочисленные эмпирические исследования доказывают, что институциональная среда обуславливает активность волонтеров. Например, исследования ученых НИУ «Высшая школа экономики» показывают, что «россияне, за последний год принимавшие участие в деятельности хотя бы одной НКО, гораздо чаще занимались добровольчеством много или несколько раз (23 и 36% против 5 и 15% среди тех, кто в деятельности НКО не участвовал)» [4, 48].

Сопряженность признаков регулярности волонтерской деятельности и включенности волонтеров в деятельность организаций третьего сектора выявлена и в нашем исследовании. Практически каждый третий (32%) доброволец из числа «формальных волонтеров» регулярно занимается добровольчеством. Среди «неформальных волонтеров» таковых в шесть раз меньше (5,5%). Каждый второй респондент (48,5%), имеющий опыт работы в НКО, безвозмездно помогает другим время от времени, каждый пятый (19,5%) участвовал в волонтерских проектах 1-2 раза за последний год, в то время как среди неформальных волонтеров таких 51% от числа всех респондентов.

Рассмотрим волонтеров, имеющих опыт работы в НКО, как наиболее реальный ресурс развития добровольческих практик. В зависимости от вовлеченности волонтеров в деятельность третьего сектора, от их мотивации и отношения к добровольческой деятельности, можно выделить и описать наиболее распространенные типичные группы «формальных волонтеров», тем самым раскрыть еще один срез внутренней структуры волонтерской общности в целом. Причем важно отметить, что мы не говорим о полной представленности возможных объединений, но выделяем и анализируем наиболее типичные сообщества среди «формальных» волонтеров.

С позиции руководителей НКО общность российских волонтеров, с которыми им приходится сегодня работать, с формальной стороны оценивается как достаточно разрозненная. В качестве основной причины сложившейся ситуации эксперты указывают отсутствие единой идеологической основы макроуровня и ресурсной системы обеспечения деятельности волонтеров, несопряженной с полем государственного влияния.

В рамках отдельных организаций волонтерская общность имеет достаточно тесные внутренние связи между ее членами и сотрудниками НКО, ор-

ганизирующими волонтеров и привлекающими их к своей деятельности. Эти отношения позволяют отождествлять характер взаимодействия волонтеров на локальном уровне отдельных организаций с семейным типом отношений. *«Мы периодически общаемся, созваниваемся, узнаем, как у кого дела, кто куда ходил, какие у кого проблемы и т.д.»* (сотрудник БФ, 44 года). Подобный тип отношений представляет собой определенную ценность для каждого волонтера. Это продуцирует или переносит в организационную среду отдельных НКО восприятие результатов взаимодействия волонтеров с теми, кому они помогают, «завязанное» на значимости (ценности) каждого взаимодействующего друг для друга. Такой характер взаимодействия обеспечивает высокий уровень эмоциональной зарядки личности, в дальнейшем существенно влияющий на поведенческие реакции волонтеров.

Важно отметить, что вход и выход в данные группы достаточно свободный, а сама общность волонтеров третьего сектора динамична и саморегулируема. Многие присоединяются к ней в эмоциональном порыве, быстро «сгорают», не справляются и уходят. *«Те, кто не может, и те, кто понимает, что это не его, они сами отсеиваются... Они уходят либо сразу, либо через неделю, через две они просто пропадают (руководитель НКО, 40 лет).* Отметим, что сотрудники российских НКО неоднозначно относятся к массовому привлечению волонтеров в свои организации в силу текучести кадров, больших, и как правило, не всегда оправданных ресурсных затрат на обучение и подготовку новичков. При этом они понимают, что эту деятельность все равно проводить надо, несмотря на последствия. Исследователи ФОМ отмечают, что отношение лидеров НКО к добровольцам неоднозначно: для них «добровольцы – это и ресурс, и обуза» [5, 64].

Оценки наших экспертов дают возможность обозначить наиболее важные характеристики членов волонтерской общности третьего сектора, что позволяет выделить и описать типичные портреты тех, кто чаще всего работает волонтерами в российских НКО. В качестве ключевых внутренних характеристик личности, присущих волонтеру, эксперты обозначили: высокий уровень осознания смысла своей деятельности; отсутствие ожидания материального вознаграждения за свою деятельность; ответственное отношение к работе, к тем людям, которым оказывается помощь, а также к другим волонтерам, с которыми эта работа выполняется. В зависимости от силы проявления данных качеств выделим наиболее типичные группы волонтеров третьего сектора.

По интенсивности труда и показателю вложенного в добровольческие практики времени на первом месте находится большинство самих сотрудников НКО. Объединяющим в одну общность началом для этих профессионалов и волонтеров является не только суть и социальная значимость их деятельности, но и самоидентификация. В российских НКО в условиях дефицита ресурсов очень часто постоянные сотрудники работают на равных с волонтерами, которых они привлекают к своей деятельности. Например, про свою работу один из наших экспертов сказал следующее: *«Мы же сюда осо-*

знанно пришли. Мы же не пришли, потому что нам некуда деваться. Мы тут сидим, мы здесь работаем осознанно, за идею, как говорится... Если можно так сказать, я сам волонтером был, когда все это начинал, им и остался...» (руководитель НКО, 38 лет). Тесное взаимодействие сотрудников НКО и волонтеров во многом объясняет трудности в статусном и функциональном разграничении деятельности исполнителей и организаторов тех или иных работ, поддерживает содержательное единство труда профессионалов и добровольцев, формально способствует единству восприятия самой деятельности, формированию общности волонтеров как профессиональной.

Таким образом, российские НКО выступают центрами сосредоточения и локализации профессиональной части общности волонтеров. Подтверждение этому можно найти не только в результатах нашего опроса, но и в научных работах других исследователей. В частности, относительно сотрудников НКО Д. Волков в своем исследовательском отчете приводит следующую цитату: *«Это просто энтузиасты, про таких в армии говорят “с пулей в голове”. То есть это люди, просто решившие себя посвятить этому делу, этому интересу, не приносящему доходов. У них благая цель, чтобы мир стал лучше из-за того, что именно они вот будут в этом процессе участвовать. Я не говорю все, попадаютя конечно...В каждом поколении есть люди, которым неспокойно, у которых шило в заднице ...»* [1, 25].

Следующую типичную группу волонтеров можно маркировать как «настоящих волонтеров». Эксперты к ней отнесли тех, кто с определенной регулярностью в силу своих устойчивых, непоколебимых убеждений и возможностей, как правило, временных, оказывает какую-либо безвозмездную помощь. *«Настоящий волонтер – это как настоящий мужчина, в природе не существует, вот, просто есть люди, которым это надо, которые без этого жить не могут и они в меру своих возможностей, в меру своего свободного времени, возможностей они помогают»* (сотрудник БФ, 44 года). Большую часть данной группы составляют активные, деятельные молодые люди, имеющие профессию и основную трудовую занятость, с абсолютно различным уровнем дохода (главная характеристика – ощущение его достаточности), с разной степенью регулярности включающиеся в деятельность НКО.

Другую, совершенно отличную группу волонтеров, работающих в НКО, как правило, в формате «проектной деятельности» можно назвать «волонтерами-прагматиками или карьеристами». Они целенаправленно и осознанно работают в некоммерческих организациях определенный период времени, готовы выполнять любую работу. Их главная цель – получить практический опыт, либо рекомендации, необходимые для дальнейшего трудоустройства. Существенным отличием между второй и третьей группами является мотивация их членов. Если ко второму типу чаще всего относятся люди, решающие свои внутренние задачи (самореализация, самоутверждение, поиск удовлетворенности и т.д.), то волонтеры третьей группы ориентированы на решение внешних задач (трудоустройство, карьерный рост, приобретение практического опыта и т.д.).

Четвертая типически выраженная по оценкам экспертов группа «поверхностных волонтеров» сегодня наиболее представлена. Ее членов характеризуют спонтанное желание поучаствовать в чем-либо массовом (в новом, интересном, незнакомом и т.д.), эпизодическое участие в какой-либо деятельности без особой подготовки, низкий уровень осознания целесообразности самой деятельности, недопонимание целей и смысла участия в ней. *«...вдруг появилось желание, появилось время, он провел какую-то акцию, поучаствовал в каком-то деле, да, почему бы и нет? Ведь таких большинство» (психолог НКО, 25 лет); «..они не понимают смысла, они не понимают, что волонтеры занимаются этой бесплатной деятельностью осознанно» (руководитель НКО, 28 лет).*

Массовое появление такого типа волонтеров эксперты считают следствием ситуативной и непродуманной реализации государственной политики, направленной на популяризацию волонтерского движения в школах, колледжах и вузах без учета опыта, традиций и возможностей, сложившихся и дееспособных НКО. Поверхностное отождествление волонтерской деятельности с организацией развлекательно-увеселительных мероприятий, подмена волонтерства общественно-полезным трудом и рядовой бытовой помощью являются последствиями стихийной и неконтролируемой извне организацией деятельности волонтеров и существующих в образовательной среде ресурсных ограничений. В частности, в учебных заведениях отсутствуют квалифицированные кадры, способные профессионально, с учетом возраста и возможностей учащих организовать эту деятельность. Не выстроены социальные связи с некоммерческим сектором и государственными социальными учреждениями, необходимые для понимания необходимости соотносить потребности тех, кто нуждается в помощи, и возможности тех, кто может и хочет ее оказывать.

Еще одной существенной причиной увеличения числа волонтеров данного типа можно считать внешнее принуждение, институциональное псевдостимулирование к позитивным практикам. *«...когда администрация организации сказала, что надо сходить и сделать доброе дело. И все пошли, чтобы там не лишили премии, например...» (руководитель ДД, 42 года). «...в отчетности учебных заведений важно количество, мало кого волнует качество и результат...» (руководитель НКО, 39 лет).* Негативное влияние также оказывает введение в повседневные практики образовательной среды таких формальных атрибутов, как, например, «книжка волонтера». Отметки о «наличии добрых дел» в документе, не имеющем какой-либо юридической силы и значимости, не мотивируют, а демотивируют современную молодежь. *«Часто это делается просто для галочки. Вот, например, волонтерская книжка...Неужели ты за отметочку что-то полезное делаешь?» (руководитель БО, 48 лет).*

Волонтеры третьей и четвертой групп отличаются тем, что попадают под влияние определенных молодежных трендов. Они включаются в модные движения, в случае с настоящим волонтерством сталкиваются с трудностями,

о которых они ранее даже не предполагали, и уходят. Ряд экспертов характеризует это как излишний инфантилизм и безответственность поколения. Кто-то связывает со спецификой возраста, объясняя это как «жизненный поиск». Встает закономерный вопрос: насколько правомерно волонтеров последней группы относить к членам всей волонтерской общности? По нашему мнению, это достаточно дискуссионная тема, однако рассматривать эту группу в качестве потенциала роста общности, реально действующих волонтеров можно и нужно, так как уровень осознания смысла волонтерской деятельности и формирование ответственного отношения с их стороны к работе, к тем, кому они помогают, и к другим волонтерам – это вопрос времени, зависящий от личного выбора и стечения определенных обстоятельств.

Представленная типология общности волонтеров третьего сектора позволила выделить ряд ключевых проблем в развитии российского волонтерства. Для их разрешения, для того, чтобы общность волонтеров реализовывала свой потенциал, следует учитывать следующие шаги в управлении волонтерством. Необходимо формирование управленческой парадигмы волонтерского движения в России на уровне образования и воспитания. При отсутствии основы государственной идеологии именно волонтерство может выступать рациональным зерном в основе воспитания молодого поколения. Востребована сегодня система целенаправленного формирования объективных представлений о волонтерстве со школьной скамьи, включающая в себя программы целевой подготовки молодежи для решения конкретных задач в рамках деятельности НКО по разным направлениям. Такая подготовка должна учитывать специфику видов волонтерской деятельности, особенности различных социальных групп и отдельных учреждений (что, собственно, сегодня успешно реализуется только в развитии спортивного волонтерства). Самое главное, не только на федеральном, но и на региональном и локальном уровнях иметь социальный заказ и специально выделенные под эти цели ресурсы. Подобная постановка вопроса обеспечит рынок социальных услуг НКО дополнительными ресурсами, позволит частично переложить реализацию воспитательной функции молодежи с образовательной среды на институты гражданского общества.

1. Волков Д. Перспективы гражданского общества в России: аналитический доклад. М., 2011.
2. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. М., 2014.
3. Данные опроса «Телефом» 30-31 августа 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712>. (дата обращения: 06.01.2015).
4. Мерсиянова И. В., Корнеева И.Е. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение. М., 2013. вып. VIII.
5. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». [Электронный ресурс]. М., 2012. URL:

http://soc.fom.ru/uploads/files/dobrovolchestvo/Otchet_dobrovolchestvo.pdf. (дата обращения: 12.12.2014).

6. *Stebbins R.* Between work and leisure: a study of the common ground of two separate. USA, UK. 2004.

This article contents the results of sociological research such as poll of volunteers in a big Russian city as well as expert's poll of NGO leaders in Sverdlovsk region. The structure of formal volunteer's community is described. Essential problems of volunteering management are investigated. Future ways of formal volunteering development in Russia are represented.

Анкета статьи

ФИО автора 1 (полностью)	Певная Мария Владимировна
Ученая степень, звание	К.с.н, доцент
Должность	Доцент кафедры СиСТУ
Организация	ИГУП ФГАОУ ВПО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Страна	Россия
Город	Екатеринбург
E-mail:	m.v.pevnaya@urfu.ru
Почтовый адрес и тел.	620026 г. Екатеринбург. ул. Н. Воли 69-27, (343) 251-34-10
Код научной специальности	22.00.08
Наименование статьи	Российские волонтеры третьего сектора: характеристика общности и управленческие перспективы
Код УДК	УДК 172:304
Аннотация	В статье анализируются результаты социологических исследований – данные опроса волонтеров крупного российского города, а также экспертного опроса лидеров некоммерческих организаций Свердловской области. Описывается структура социальной общности волонтеров, работающих в российских организациях третьего сектора, выделяются ключевые проблемы, связанные с перспективами развития волонтерства в современной России и возможностями социального управления волонтерами.
Ключевые слова	волонтерство, добровольчество, общность волонтеров, социальная политика, управление волонтерством

Список библиографических ссылок	
------------------------------------	--

На английском языке:

Author 1 (полностью)	Pevnaya Maria
Organization	Yeltsin Ural Federal University, Institute of fundamental education. Chair of Sociology and Social technologies of management
Country	Russia
City	Ekaterinburg
Title of article	The formal volunteers in Russian's NGO: characteristics of community and strategy of management
Abstract	This article contents the results of sociological research such as poll of volunteers in a big Russian city as well as expert's poll of NGO leaders in Sverdlovsk region. The structure of formal volunteer's community is described. Essential problems of volunteering management are investigated. Future ways of formal volunteering development in Russia are represented.
Key words	Volunteering social policy formal volunteers volunteer's management